
Злата Вельская
18+
Поцелуй
в маске ворона

Злата Вельская

Поцелуй в маске ворона

«Издательские решения»

Вельская З.

Поцелуй в маске ворона / З. Вельская — «Издательские решения»,

На университетском маскараде Василиса сбегает на крышу и целует незнакомца в маске ворона. Ни имени, ни лица. Только голос с хрипотцой и серебряная запонка, которая остаётся у неё в кулаке. А в понедельник в аудиторию входит новый преподаватель, ледяной и невыносимый Глеб Андреевич Северов. Королева курса объявляет, что он почти её жених, и Василиса заключает пари: к зимнему балу он придёт с ней под руку. Она ещё не знает, кто прятался под маской ворона.

© Вельская З.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Ворон на крыше 6
Глава вторая. Пари 11
Глава третья. Архив 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Поцелуй в маске ворона

Злата Вельская

© Злата Вельская, 2026

ISBN 978-5-0071-6293-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Ворон на крыше

В ту ночь я поцеловала незнакомца на крыше.

Я не знала его имени. Не видела его лица. Не слышала его настоящего смеха.

Но я до сих пор помню, как у меня подогнулись колени.

И если бы кто-то сказал мне тогда, кто прячется под чёрной маской, я бы рассмеялась ему в лицо.

А потом, наверное, сбежала бы из города.

Всё началось с Осеннего маскарада.

Его каждый год устраивают на нашем факультете журналистики, в последнюю субботу сентября. Старый корпус, актовый зал с облупленной лепниной, гирлянды, музыка, от которой дрожат окна. Все приходят в масках. Даже преподаватели.

Я пришла ведьмой.

Острая чёрная шляпа. Платье до колен, тоже чёрное. Тёмно-красная помада. И волосы распущенные, рыжие, до лопаток.

Моя подруга Тома сказала, что костюм мне не нужен.

— Ты и так ведьма, Вася, — сказала она. — Просто сегодня это видно всем.

Меня зовут Василиса Громова. Мне двадцать лет. Я учусь на третьем курсе.

А прозвище Ведьма прилипло ко мне ещё на первом. За язык. И за то, что я никогда не прощаю обид.

Почти никогда.

Тома в тот вечер была кошкой. С ушками и нарисованными усами. Она тянула меня танцевать, а я стояла у колонны и смотрела на сцену.

Там стояла Алина Рябинина.

В серебряном платье. В короне. Конечно, в короне.

Алина была королевой нашего курса. Отличница. Дочь известной в городе телеведущей. И мой личный враг номер один.

Два года назад она увела у меня место в студенческой редакции. Год назад выиграла конкурс, к которому я готовилась три месяца. Она улыбалась мне каждый раз так, будто знала обо мне какую-то стыдную тайну.

В тот вечер она спустилась со сцены и пошла прямо ко мне.

— Громова, — протянула она. — А где метла?

— На парковке, — ответила я. — Боялась, ты её угонишь. Ты же любишь брать чужое.

Тома рядом поперхнулась соком.

Алина даже не моргнула.

— Кстати, о чужом, — сказала она. — Ты подала заявку на стажировку в «Волга-медиа»?

— Подала.

— Зря. Место одно. И оно моё.

— Посмотрим.

— Посмотри, — кивнула Алина. — Только издалека.

Она развернулась и ушла, оставив после себя запах дорогих духов.

Мне захотелось что-нибудь разбить. Желательно корону.

— Вася, не надо, — сказала Тома. Она знала моё лицо слишком хорошо.

— Я выйду подышать, — сказала я.

И ушла.

Я знала в старом корпусе одну дверь.

За сценой есть служебная лестница. Она ведёт на чердак, а с чердака можно выйти на плоскую крышу над актовым залом. Защёлка на этой двери сломана ещё с тех пор, как я была первокурсницей. Я бегала туда плакать, когда меня впервые отчитали на семинаре.

Больше я там не плакала. Я там злилась.

Лестница была тёмной. Музыка снизу стала глухой, как сердце за стенкой. Я толкнула тяжёлую дверь, и в лицо ударил холодный ветер.

Над городом висели звёзды. Далеко внизу горели огни набережной, а за ними чернела Волга.

И на краю крыши, у низкого парапета, кто-то стоял.

Мужчина. Высокий. В чёрном костюме. На лице полумаска из тёмных перьев. Маска ворона.

Он обернулся на скрип двери.

— Кажется, это место уже занято, — сказал он.

Голос был низкий, спокойный. С лёгкой хрипотцой, будто он долго молчал.

— Кажется, это моё место, — ответила я. — Я хожу сюда третий год.

— Тогда я нарушитель.

— Ещё какой.

Он чуть наклонил голову. Мне показалось, что под маской он улыбается.

— И что делают с нарушителями ведьмы?

— Превращают в лягушек.

— Жестоко.

— Справедливо.

Я подошла к парапету и встала рядом. Не слишком близко. На расстоянии вытянутой руки.

Ветер трепал поля моей шляпы. Я придержала её ладонью.

— Сбежали от музыки? — спросила я.

— От разговоров, — ответил он. — Там внизу все очень хотят со мной познакомиться. А я не очень хочу знакомиться.

— Звучит высокомерно.

— Звучит честно.

Я фыркнула. Он посмотрел на меня. Глаза в прорезях маски казались тёмными, почти чёрными. Хотя, может быть, это просто ночь.

— А вы? — спросил он. — От кого сбежали вы?

— От королевы.

— Серебряное платье? Корона?

— Вы её видели.

— Сложно не заметить. Она очень старается, чтобы её заметили.

Я рассмеялась. Впервые за вечер по-настоящему.

Он замолчал. Будто прислушивался к моему смеху.

— У вас красивый смех, — сказал он. — Злой немного. Но красивый.

— Я ведьма, — напомнила я. — Нам положено.

Мы стояли и разговаривали. Не знаю, сколько. Может, десять минут. Может, полчаса.

О городе, который ночью кажется добрее, чем днём. О том, что люди на маскарадах честнее, потому что не видят лиц друг друга. О книгах. Он читал те же книги, что и я. И спорил со мной о каждой.

Он спорил так, что мне хотелось одновременно стукнуть его и слушать дальше.

Потом я поёжилась. Сентябрь у нас холодный, а на мне было тонкое платье.

Он молча снял пиджак и набросил мне на плечи.

Пиджак был тёплый. И пах чем-то горьковатым. Кофе, кедр, холодный воздух.

— Спасибо, — сказала я. Голос вдруг стал тише.

— Не за что.

Он поправил ворот пиджака у моей шеи. Его пальцы на секунду коснулись моей кожи. Совсем на секунду.

По спине пробежала дрожь. Не от холода.

Я подняла голову. Он смотрел на меня. Очень близко.

— Знаете, что делают ведьмы, когда им что-то нравится? — спросила я.

— Превращают в лягушку?

— Нет, — сказала я. — Берут.

И поцеловала его.

Я хотела, чтобы это было коротко. Дерзко. Назло Алине, назло всему вечеру.

Но он не отстранился.

Его ладонь легла мне на затылок. Шляпа упала с моей головы и покатилась по крыше. Ветер подхватил её, а мне было всё равно.

Он целовал меня медленно. Так, будто у нас была вся ночь. Будто он давно ждал и наконец позволил себе.

Я вцепилась в его рукав. Нащупала холодный металл на запястье. Запонку.

Его губы были тёплыми. Пальцы скользнули по моей шее вниз, к ключице, и замерли там, у края пиджака. Я слышала, как он дышит. Неровно. Так же неровно, как я.

Где-то внизу гремела музыка. Где-то внизу была Алина в своей короне. Где-то был весь мир.

А здесь был только он.

Колени у меня подогнулись. Он почувствовал это и прижал меня крепче.

Не знаю, сколько это длилось.

Потом снизу хлопнула дверь. На лестнице раздались голоса. Кто-то смеялся и звал какую-то Олю.

Он оторвался от меня. Тяжело выдохнул. Прижался лбом к моему лбу. Перья маски щекотали мне висок.

— Вам пора, ведьма, — сказал он хрипло. — И мне тоже.

— Подождите, — прошептала я. — Как вас зовут?

Он ничего не ответил.

Только осторожно снял с моих плеч свой пиджак. Провёл ладонью по моим волосам. И ушёл в темноту чердака, за секунду до того, как на крышу вывалилась шумная компания второкурсников.

Я стояла, прижав пальцы к губам.

А потом разжала кулак.

На ладони лежала серебряная запонка. Маленький ворон с расправленными крыльями.

Я сорвала её с его рукава. Даже не заметила как.

Шляпу я так и не нашла. Её унёс ветер.

Зато всё воскресенье я думала о вороне.

Я перебрала в голове всех парней с факультета. Высоких. С низким голосом. Читающих книги. Таких оказалось трое. Ни один не подходил.

Тома слушала меня по телефону и вздыхала.

— Вась, может, это был кто-то из гостей? Там же были люди из других вузов.

— Может, — сказала я. — Но я его найду.

— И что сделаешь?

Я посмотрела на ворона, который лежал на моей тумбочке.

— Пока не знаю.

Вечером бабушка позвала меня ужинать.

Я живу с бабушкой. Её зовут Нина Павловна, ей семьдесят два года, и весь наш подъезд уверен, что она умеет гадать. Она и правда раскладывает карты. Старые, потёртые, с золотым краем.

— Что ты такая тихая? — спросила она, наливая мне чай.

— Я не тихая.

— Ты не болтаешь. Значит, тихая. Влюбилась?

Я чуть не уронила ложку.

— Ба! В кого мне влюбляться?

Бабушка посмотрела на меня поверх очков. Потом молча достала колоду, перетасовала и вытянула одну карту. Положила на клеёнку рядом с моей чашкой.

Король. Тёмный, строгий, с холодным лицом.

— Он уже рядом, — сказала бабушка. — Только ты его пока не узнаёшь.

— Ба, это просто картинка.

— Конечно, картинка, — согласилась она и спрятала карту в колоду. — Пей чай, остынет.

Я пила чай и почему-то думала о том, как пахнет кедр.

В понедельник я опоздала на первую пару.

Автобус сломался на мосту, и последние три остановки я бежала. Влетела в аудиторию на десять минут позже, с горящими щеками и растрёпанными волосами.

— Простите, Сергей Петрович, автобус…

И осеклась.

У доски стоял не Сергей Петрович.

Нашего старенького профессора Лаврентьева, который читал медиакритику с тех пор, как изобрели газеты, на кафедре не было.

Вместо него стоял мужчина лет тридцати. Высокий. Тёмный костюм, белая рубашка, никакого галстука. Тёмные волосы коротко острижены. Резкие скулы. Серые глаза. Очень светлые, очень холодные.

Он посмотрел на меня так, будто я была опечаткой в важном документе.

— Сергей Петрович на больничном, — сказал он. — До конца семестра курс веду я. Северов Глеб Андреевич. А вы?

— Громова, — выдохнула я. — Василиса.

— Громова Василиса, — повторил он медленно. — Опоздание на десять минут. Это неуважение к людям, которые пришли вовремя. Садитесь. В следующий раз не входите вовсе.

Аудитория замерла.

Я почувствовала, как вспыхнули уши. Прошла на своё место у окна и села. Тома под столом сжала мне руку.

— Он с утра такой, — шепнула она. — Уже двоих отчитал. Ледяной какой-то.

Ледяной.

Прозвище было идеальным.

Он читал лекцию без бумажки. Чётко, сухо, без единой шутки. Через двадцать минут он задал вопрос. Зачем нужна критика, если её никто не читает.

Я подняла руку раньше, чем подумала.

— Критика нужна не читателю, — сказала я. — Она нужна тому, кого критикуют. Чтобы он не зазнавался. Это как зеркало, в которое не хочется смотреть.

Пара человек засмеялась. Мне понравилось.

Северов даже не улыбнулся.

— Красиво, — сказал он. — И пусто. Остроумие — не аргумент, Громова. Вы сказали фразу, которую можно напечатать на кружке. А я спрашивал о функции критики в медиасреде. Попробуйте ещё раз. Без кружки.

Теперь засмеялась вся аудитория. Но уже не со мной.

Я стиснула ручку так, что побелели пальцы.

И ответила ещё раз. Подробно, со ссылками, с примерами. Злость всегда делала меня умнее.

Он выслушал. Кивнул.

— Лучше, — сказал он. — Видите. Можете, когда не пытаетесь понравиться залу.

И отвернулся к доске.

Я смотрела ему в спину и представляла, как он превращается в лягушку. Медленно. Начиная с ушей.

Когда пара закончилась, я нарочно собирала сумку долго. Хотела дождаться, пока все выйдут, и сказать ему что-нибудь. Что-нибудь едкое.

Я засмеялась, когда Тома уронила пенал и чертыхнулась.

И мне показалось, что Северов на секунду замер у стола. Будто услышал что-то знакомое. Но когда я подняла глаза, он уже складывал бумаги в портфель с тем же каменным лицом.

Показалось.

Он вышел, не взглянув на меня.

А в дверях меня перехватила Алина.

Она прислонилась к косяку, сложив руки на груди. Улыбка у неё была как у кошки, которая уже съела чужую сметану.

— Ну как тебе Глеб? — спросила она.

— Глеб Андреевич, — поправила я. — Хам и сноб.

— Он не хам. Он просто умеет ставить людей на место. — Алина посмотрела в сторону лестницы, куда ушёл Северов. — Только вот ты на него слишком смотрела, Громова. Не облизывайся.

— Чего?

— Это мой жених, — сказала Алина. Тихо, почти нежно. — Почти жених. Наши мамы дружат двадцать лет и давно всё решили. Он много лет жил в Петербурге, а теперь вернулся. И, поверь, вернулся он не только в город.

Она поправила волосы и пошла прочь, стуча каблуками.

Я стояла в пустом коридоре.

В кармане куртки лежал серебряный ворон. Я сжала его так, что крылья впились в ладонь.

В голове медленно, очень медленно рождалась мысль. Та самая. Ведьминская. Из тех, после которых Тома говорит «Вася, не надо».

Ледяной Глеб Андреевич. Почти жених Алины Рябининой. Мужчина, которого ей уже пообещали.

А что, если он достанется не ей?

Что, если он будет смотреть только на меня?

Я улыбнулась своему отражению в тёмном окне.

Я ещё не знала, что в эту самую минуту, на лестнице, этажом ниже, Глеб Андреевич Северов стоял у подоконника. Смотрел на свою левую манжету, где в субботу была серебряная запонка.

И тоже улыбался.

Глава вторая. Пари

Редакция «Вестника» живёт в бывшей лаборантской на третьем этаже.

Там пахнет старой бумагой, растворимым кофе и чужими амбициями. Там стоят четыре компьютера, один из которых работает. И диван, на котором кто-нибудь обязательно спит.

В среду, в первую неделю октября, в редакции было тесно.

Наш главный редактор Денис Ковалёв, пятикурсник с вечно усталыми глазами, забрался на стул. Так он делал, только когда сообщал что-то важное.

— Тихо, люди! — сказал он. — Новости по стажировке в «Волга-медиа».

Все замолчали. Даже тот, кто спал на диване, открыл один глаз.

Стажировка в «Волга-медиа» была мечтой каждого на нашем курсе. Это самый большой медиахолдинг в городе. Телеканал, радио, сайт, который читают все. Одно место. Три месяца работы в настоящей редакции. А потом, если повезёт, контракт.

Я хотела это место так, что иногда не могла уснуть.

— Конкурсное задание, — продолжал Денис. — Серия из трёх материалов на любую городскую тему. Срок сдачи двадцатое декабря. Решение жюри двадцать шестого. Жюри три человека. Двое от холдинга. И один куратор от нашего факультета.

Он сделал паузу. Денис любил паузы.

— Куратор Северов Глеб Андреевич.

По редакции прокатился стон.

— Только не Ледяной, — простонал кто-то с дивана.

А Алина Рябинина, которая сидела на краю стола, закинув ногу на ногу, улыбнулась.

Улыбнулась так, будто ей только что вручили диплом.

Я почувствовала, как у меня внутри всё сжимается.

Когда Денис слез со стула и все разбрелись по углам, Алина подошла ко мне.

Тома, которая сидела рядом, сразу напряглась. Как кошка, увидевшая собаку.

— Ну что, Громова, — сказала Алина. — Можешь не стараться. Сама понимаешь. Глеб знает меня с детства. Наши мамы почти родственники. Как ты думаешь, кому он отдаст своё мнение?

— Тому, кто напишет лучше, — сказала я.

Алина рассмеялась. Звонко, красиво. Она даже смеялась так, будто репетировала перед зеркалом.

— Какая ты наивная. Это даже мило. Ведьма, которая верит в честность.

— А ты в неё не веришь?

— Я верю в связи, — сказала Алина. — И в то, что каждый получает своё. Я получу стажировку. И Глеба. А ты получишь опыт. Тоже полезно.

Тома под столом наступила мне на ногу. Это означало «молчи».

Я не замолчала.

— Знаешь, Рябинина, — сказала я. — Ты так уверена в своём почти женихе. А он хоть раз на тебя посмотрел? На паре? В коридоре?

Улыбка Алины стала чуть тоньше.

— Он умеет держать дистанцию. Он профессионал.

— Или ему просто неинтересно.

— Ему интересно то, что ему подходит, — сказала Алина. — А ты ему не подходишь. Ты для него опечатка. Он сам это показал в понедельник. Вся группа видела.

Вот этого не стоило говорить.

Я встала.

— Спорим?

— На что? — Алина приподняла бровь.

— На то, что до зимнего бала Северов будет моим. Не твоим. Моим.

Тома тихо сказала:

— Вася, не надо.

Но я уже не слышала.

Алина смотрела на меня долго. Потом наклонила голову, как птица.

— Что значит «твоим»? Конкретнее, Громова. Я не спорю на туман.

Я подумала секунду.

— Двадцать седьмого декабря он придёт на зимний бал со мной. Открыто. При всех. Под руку.

— А если нет?

— А если нет, я сниму заявку на стажировку.

В редакции стало тихо. Кажется, даже компьютер перестал гудеть.

Алина медленно улыбнулась.

— А если да?

— Тогда снимешь свою ты.

Она смотрела на меня ещё секунду. Потом протянула руку. Узкую, с идеальным маникюром.

— Договорились.

Я пожала её руку. Ладонь Алины была холодной.

— Тома, разбей, — сказала Алина.

Тома посмотрела на меня. В её глазах было всё. «Ты с ума сошла». «Это ужасная идея». «Я тебя всё равно люблю».

Она вздохнула и разбила наши руки ребром ладони.

— Только чтобы без жертв, — пробормотала она.

— Без жертв не получится, — сказала Алина весело. — Но жертвой буду не я.

И ушла, стуча каблуками.

— Ты понимаешь, что ты сделала? — спросила Тома, когда мы вышли на улицу.

Октябрь пах мокрыми листьями. Ветер с Волги трепал мне волосы.

— Понимаю.

— Ты поспорила, что соблазнишь преподавателя. Ледяного. Который тебя унизил при всех. Ради того, чтобы досадить Алине.

— Звучит хуже, чем есть.

— Звучит ровно так, как есть, Вася!

Я остановилась.

— Тома. Она назвала меня опечаткой. Она отобрала у меня место в редакции. Она выиграла конкурс, потому что её мама позвонила кому надо. Я не собираюсь отдавать ей ещё и стажировку. Без боя.

— А Северов?

— А что Северов?

— Он живой человек, — сказала Тома тихо. — Не приз.

Я пожала плечами. Тогда это казалось мне неважным.

— Он ледяная глыба. Ему не будет больно. Ему вообще ни от чего не бывает больно.

Тома посмотрела на меня странно. Но ничего не сказала.

А я сунула руку в карман и нащупала серебряного ворона.

Почему-то с ним было спокойнее.

План у меня был простой. Как у всех ведьм.

Шаг первый. Заставить его заметить меня.

Шаг второй. Заставить его думать обо мне.

Шаг третий. Заставить его захотеть меня.

Дальше по обстоятельствам.

Я собиралась начать с шага первого в четверг. После его пары.

Но в среду вечером случилось кое-что, что меня немного озадачило.

Я задержалась в редакции и спускалась по лестнице мимо кафедры. Дверь была приоткрыта. Я услышала голос Алины и остановилась. Конечно, подслушивать некрасиво. Но я журналистка. Нам можно.

— Глеб, я принесла тебе кофе, — говорила Алина. Голос у неё был совсем другой. Мягкий. Почти робкий. — Капучино. Как ты любишь.

— Спасибо, Алина. — Голос Северова был вежливым и абсолютно ровным. — Но я не пью кофе из автомата. И здесь я Глеб Андреевич. Для всех студентов.

— Но наши мамы…

— Наши мамы дружат. Это прекрасно. Передавай привет Ларисе Сергеевне.

Пауза.

— Мама приглашает тебя в субботу на ужин.

— Я занят в субботу.

— А в воскресенье?

— Тоже.

Я услышала стук каблуков и отпрыгнула за угол. Алина вышла с картонным стаканчиком в руке. Лицо у неё было злое и какое-то потерянное. Она швырнула стаканчик в урну так, что кофе брызнул на стену.

Я стояла за углом и думала.

С одной стороны, это было приятно. Очень приятно. Почти жених не хотел пить её кофе.

С другой стороны, Северов отказал вежливо и холодно. Так же, как он, наверное, отказывал всем. Так же, как откажет мне.

Ледяная глыба. Без трещин.

Значит, нужен был лом.

Дома бабушка раскладывала на кухонном столе свои карты.

Она делала это каждый вечер. Не для гадания, говорила она. Для разговора с жизнью.

— Опять задумала что-то, — сказала она, не поднимая глаз.

— Почему опять?

— Потому что у тебя такое лицо, как в шестом классе. Когда ты подложила Светке Ивановой лягушку в портфель.

— Она первая начала.

— Они всегда первые начинают. — Бабушка перевернула карту. — А заканчивать приходится тебе.

Я налила себе чай и села напротив.

— Ба. А если человек сделал что-то плохое ради хорошей цели?

— Тогда он сделал что-то плохое, — спокойно сказала бабушка. — Цель потом не отмоешь.

— Это слишком строго.

— Это жизнь, Васёна. Она вообще строгая. Как твой новый преподаватель.

Я поперхнулась чаем.

— Откуда ты знаешь про преподавателя?

Бабушка посмотрела на меня поверх очков. Улыбнулась уголком рта.

— Ты третий вечер подряд ругаешь какого-то Северова. Так ругают только тех, о ком думают.

Я хотела возразить. И не стала.

Бабушка перевернула ещё одну карту. Снова тёмный король. Тот же, что выпал в воскресенье.

Она ничего не сказала. Только постучала по нему пальцем.

В четверг я пришла вовремя. За десять минут до звонка.

Северов поднял глаза от бумаг, когда я вошла. Посмотрел на часы. Потом на меня.

— Чудо, — сказал он сухо.

— Я умею удивлять, — ответила я.

— Посмотрим.

На мне было зелёное платье. Тома сказала, что в нём мои глаза похожи на крыжовник. Я решила считать это комплиментом.

Всю пару я была идеальной студенткой. Не спорила. Отвечала умно. Смотрела внимательно. Один раз даже улыбнулась ему, медленно, как в кино.

Северов посмотрел на меня поверх очков. Очки он надевал, только когда читал. Потом спросил:

— Громова, вам нехорошо?

— Почему?

— У вас странное выражение лица. Как у человека, который съел что-то несвежее.

Группа захихикала.

Я стиснула зубы и продолжала улыбаться.

Когда пара закончилась, я не спешила уходить. Тома посмотрела на меня, покачала головой и вышла. Последней ушла староста. Дверь закрылась.

Мы остались вдвоём.

Северов складывал бумаги в портфель. Не глядя на меня.

Я подошла к его столу. Медленно. Как учили в тех видео, которые я смотрела полночи.

— Глеб Андреевич, — сказала я. Тихо, низким голосом. — У меня вопрос по курсовой.

— Слушаю.

— Я хотела бы взять тему… — я наклонилась чуть ближе к столу, — о том, как медиа создают образ. Знаете, когда человек кажется одним, а на самом деле совсем другой.

Он поднял глаза.

Серые. Холодные. Очень внимательные.

— Громова, — сказал он. — У вас что-то с голосом?

— Что?

— Вы хрипите. Простудились? В медпункте на первом этаже дают таблетки от горла. Бесплатно.

Я выпрямилась так быстро, что задела сумку. Сумка соскользнула с моего плеча, раскрылась в падении, и всё её содержимое разлетелось по полу.

Помада. Ключи. Конфеты. Тетради. Расчёска. Пачка салфеток.

И маленький серебряный ворон.

Он покатился по паркету, звякнул и остановился у ботинка Северова.

Я бросилась на колени собирать вещи, чувствуя, как горит лицо. Позорище. Полное позорище. Ведьма, которая хотела соблазнить, а вместо этого ползает по полу за помадой.

Северов наклонился. Поднял запонку.

Он держал её двумя пальцами и смотрел. Долго. Дольше, чем нужно, чтобы рассмотреть безделушку.

— Красивая вещь, — сказал он. Голос был ровный. Слишком ровный. — Где взяли?

— Подарок, — соврала я.

— От кого?

— От одного… знакомого.

Он медленно поднял на меня глаза.

— Повезло вашему знакомому, — сказал он. — Он, наверное, очень по ней скучает.

— Почему вы так думаете?

— Запонки бывают только парные, Громова. Одна без другой ничего не значит.

Он протянул мне ворона. Я взяла его. Наши пальцы на секунду соприкоснулись.

Я почему-то вздрогнула. Он отдёрнул руку первым.

— Кстати, — сказал он, вставая. — Раз уж вы здесь. По журналу у вас за неделю три опоздания на мои пары.

— Три? Я опоздала один раз!

— В понедельник на десять минут. Во вторник на семинар на пять. И сегодня утром вы зашли в аудиторию после меня.

— Я пришла за десять минут до звонка!

— В аудиторию, — уточнил он. — А до этого вы зашли в неё, увидели меня и вышли. Через минуту вернулись. Подкрашенная. Я заметил.

Я открыла рот. И закрыла.

Это было правдой. Я выходила поправить помаду.

— Это не опоздание, — сказала я.

— Это неуважение ко времени, — сказал он. — Мне всё равно, что вы делали с помадой. Правила кафедры простые. За систематические опоздания отработка.

— Какая отработка?

Северов застегнул портфель. Посмотрел на меня спокойно. Почти равнодушно.

Но мне показалось, что в уголке его рта что-то дрогнуло.

— Факультету скоро юбилей, — сказал он. — Деканат поручил мне подготовить выставку по истории «Вестника». Архив газеты за пятьдесят лет. Никто его не разбирал с девяностых. Пыль, коробки, подшивки. Мне нужен помощник.

— Нет, — сказала я.

— Да, — сказал он. — Вторник и четверг. С шести до девяти вечера. Весь октябрь. Комната архива на последнем этаже старого корпуса.

— Это издевательство.

— Это отработка, Громова. Можете написать жалобу декану. Ирина Валентиновна её с удовольствием прочитает. А потом спросит, почему вы опаздываете.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня.

— И кто будет меня контролировать? — спросила я ядовито. — Лаборантка?

Северов взял портфель и пошёл к двери. На пороге остановился. Обернулся.

— Я, — сказал он. — Лично. Каждый вечер.

И вышел.

Я стояла посреди пустой аудитории и сжимала в кулаке серебряного ворона.

Целый месяц вечеров. Пыль. Коробки. И Ледяной Северов, который будет смотреть, как я чихаю над подшивками.

Это было наказание.

Это было ужасно.

Это было…

Я вдруг остановилась.

Это было идеально.

Два вечера в неделю. Наедине. В маленькой комнате на последнем этаже. Без группы, без Алины, без свидетелей. Он сам дал мне всё, что нужно.

Я медленно улыбнулась.

— Ну держитесь, Глеб Андреевич, — сказала я пустой аудитории.

Я ещё не знала, что комната архива находится в двух шагах от той самой лестницы.

Той, что ведёт на чердак. И на крышу.

А в коридоре Глеб Андреевич Северов шёл к кафедре очень быстрым шагом. Так ходят люди, которые боятся передумать.

В кармане его пиджака лежала вторая запонка.

Правая.

Глава третья. Архив

Комната архива оказалась крошечной.

Одно окно под самым потолком. Стеллажи до потолка. Коробки на стеллажах, коробки под стеллажами, коробки на подоконнике. Старая лампа с зелёным абажуром. И пыль. Столько пыли, что она лежала на всём, как серый снег.

Я пришла во вторник ровно в шесть. Не на минуту позже. Принципиально.

Северов уже был там.

Он сидел за единственным столом у окна, с ноутбуком. Рукава белой рубашки закатаны до локтей. Пиджак висел на спинке стула.

Я впервые увидела его руки так близко. Сильные запястья. Длинные пальцы. Тонкий старый шрам у основания большого пальца.

Почему-то я на них засмотрелась.

— Добрый вечер, Громова, — сказал он, не поднимая глаз. — Вы вовремя. Это начинает пугать.

— Я исправляюсь.

— Посмотрим, надолго ли.

Он кивнул на стеллаж у двери.

— Начнём с девяностых. Подшивки по годам. Нужно найти все номера, проверить, каких не хватает, и отложить статьи, которые подойдут для выставки. Интервью, репортажи, фотографии. Всё, что расскажет историю факультета.

— А вы что будете делать?

— Контролировать.

— Ноутбуком?

— Ноутбуком, — согласился он. — У меня шестьдесят курсовых на проверку. Вы же не думали, что я буду носить вам коробки?

Я подумала, что Ледяной — это слишком мягкое прозвище. Его надо было назвать Айсбергом. Или Вечной мерзлотой.

Я сняла куртку, повесила на крючок и пошла к стеллажу.

Первый вечер прошёл в тишине.

Я листала пожелтевшие газеты. Чихала. Снова листала. Северов стучал по клавишам. Иногда что-то бормотал себе под нос. Иногда хмыкал.

На план я решила пока не тратить силы. Сначала нужно было изучить противника.

Противник пил чёрный кофе из термоса. Не выносил, когда кто-то шуршит обёрткой конфеты. Это я поняла, когда он поднял голову и посмотрел на меня так, что конфета сама вернулась в карман. Противник снимал очки, когда уставал, и тёр переносицу. И противник иногда смотрел на меня, когда думал, что я не вижу.

Я видела. Отражение в тёмном окне всё видело.

Но каждый раз, когда я поворачивалась, он уже смотрел в экран.

К девяти я нашла подшивку девяносто шестого года. И в ней колонку «Сердечные дела». Студентки того времени писали в редакцию письма о любви, а какой-то анонимный автор им отвечал. Остро, ядовито и очень смешно.

Я прочитала одно письмо вслух. Не удержалась.

— «Дорогая редакция. Мой парень читает мне стихи, но только чужие. Это любовь?» — Я перевернула страницу. — Ответ. «Дорогая читательница. Это не любовь. Это плагиат. Найдите того, кто напишет вам свои, пусть даже плохие».

Северов фыркнул. Тихо, но я услышала.

— Вам смешно? — спросила я. — Вы же не умеете смеяться.

— Я умею, Громова. Просто редко нахожу повод.

— А это повод?

— Это хороший совет, — сказал он. — Отложите для выставки.

Я отложила. А потом прочитала ещё одно письмо. И ещё. Он больше не фыркал, но перестал печатать. И слушал.

Это было маленькой победой. Я записала её в свой воображаемый список.

На второй вечер я пошла в наступление.

В четверг я надела юбку. Короткую. И блузку с вырезом. Тома, увидев меня утром, только закатила глаза.

— Вася, это архив, а не ночной клуб.

— Это поле боя, — ответила я.

В архиве я сразу полезла на стремянку. Старую, деревянную, скрипучую. Самые старые подшивки лежали на верхней полке, и мне действительно нужно было их достать. Но я лезла медленно. Очень медленно.

— Глеб Андреевич, — позвала я сверху. — Вы не подержите стремянку? Она шатается.

Он поднял голову. Посмотрел на стремянку. Потом на меня. Потом снова на стремянку.

— Она не шатается.

— Шатается.

— Громова, эта стремянка пережила трёх деканов и одно наводнение. Она переживёт и вас.

Я фыркнула и потянулась к верхней полке. Подшивка была тяжёлой. Я потянула её на себя, и она поехала неожиданно легко. Вместе с ней поехали ещё две. И облако пыли, которое ударило мне прямо в лицо.

Я чихнула.

Стремянка, которая пережила трёх деканов, решила, что с неё хватит.

Она качнулась. Я взмахнула руками. Подшивки полетели вниз. И я вместе с ними.

Я даже не успела испугаться.

Меня поймали.

Крепкие руки. Одна под коленями, другая под спиной. Рывок, от которого перехватило дух. И я оказалась прижата к его груди, а над моей головой с грохотом обрушились газеты.

Секунду мы не двигались.

Я слышала, как стучит его сердце. Быстро. Очень быстро для ледяной глыбы.

От него пахло кофе. И чем-то ещё. Горьковатым, тёплым.

Кедром.

У меня внутри всё сжалось.

Этот запах я уже знала. Пиджак на моих плечах. Ветер на крыше. Губы, от которых подгибались колени.

Я подняла голову. Его лицо было совсем близко. Серые глаза потемнели. Он смотрел на мои губы.

Или мне показалось?

— Вы целы? — спросил он. Голос был хриплым.

— Кажется, да.

— Хорошо.

Он не отпускал меня. Я не просила отпустить.

Потом он моргнул, будто проснулся. И очень аккуратно поставил меня на пол. Отступил на шаг. Потом ещё на один.

— Стремянка шаталась, — сказал он.

— Я же говорила.

— Я был неправ.

Он отвернулся к столу. Сел. Надел очки. Уставился в ноутбук.

Я стояла посреди рассыпанных газет, и у меня горели щёки.

Кедр, думала я. Глупости. Половина мужчин в городе пользуется таким парфюмом. Это ничего не значит. Северов не может быть вороном. Ворон смеялся. Ворон спорил о книгах. Ворон целовал так, будто у нас была вся ночь.

А этот только и умеет, что ставить людям опоздания.

Я опустилась на колени и начала собирать подшивки.

И только тогда заметила, что он так и не нажал ни одной клавиши.

Остаток вечера мы оба делали вид, что ничего не произошло. Я раскладывала газеты по годам. Он смотрел в экран. В половине девятого он молча налил кофе из термоса в крышку-стаканчик и поставил на край стола, ближе ко мне.

— Это вам, — сказал он, не поворачивая головы. — От шока.

— Я не в шоке.

— Тогда от пыли.

Кофе был горький и очень крепкий. Как он сам.

Я выпила всё до капли.

В среду в коридоре меня поймала Алина.

— Слышала, ты теперь по вечерам в архиве, — сказала она. — С Глебом.

— С Глебом Андреевичем. Это отработка.

— Как удобно. — Алина прищурилась. — Только не обольщайся, Громова. Он просто наказывает тебя. Ему нравятся девушки с манерами. А не те, кто падает со стремянок.

Я похолодела.

— Откуда ты знаешь про стремянку?

Алина улыбнулась своей кошачьей улыбкой.

— На факультете всё всем известно. Охранник видел, как Северов выходил из корпуса злой и весь в пыли. Сложить два и два несложно.

Она ушла. А я стояла и думала, что Михалыч, конечно, хороший человек. Но язык у него длиннее, чем обход буфета.

И ещё я думала о том, что Северов вышел из корпуса злой.

Злой на меня? Или на себя?

Во вторник, около восьми вечера, Северов вышел налить воды в чайник. Я сидела на полу среди газет девяносто восьмого года. Дверь за ним захлопнулась от сквозняка.

Через минуту он вернулся. Подёргал ручку. Ручка осталась у него в руке.

Он посмотрел на неё. Потом на меня через щель под дверью. Я видела только его ботинки.

— Громова, — сказал он из коридора. — У нас проблема.

Вторая половина ручки упала на мою сторону. Звякнула о паркет.

Я подняла её.

— Это ваша проблема, — сказала я. — Вы снаружи.

— Мой телефон внутри. На столе. Ключи от машины тоже. И мой пиджак.

— А чайник?

— Чайник у меня.

Я рассмеялась. Не смогла удержаться.

Из-за двери донёсся тяжёлый вздох.

Мы попробовали вставить ручку обратно. Не получилось. Механизм был древним, как стремянка. Я позвонила охраннику. Михалыч, наш вечный охранник старого корпуса, не брал трубку. Наверное, смотрел футбол в своей будке на первом этаже.

— Я схожу к нему, — сказал Северов.

— Идите. Только быстро.

Но через пять минут он вернулся.

— Будка закрыта. Записка на двери. «Ушёл на обход, буду через час». Михалыч обходит здание по часу?

— Михалыч обходит буфет, — объяснила я. — У него там знакомая.

Северов помолчал. Потом я услышала, как он сел на пол. Спиной к двери. Прямо в коридоре.

Я тоже села. Спиной к двери. С другой стороны.

Между нами было сантиметров десять старого дерева.

Сначала мы молчали.

Потом я спросила:

— Вам не холодно? Там сквозняк.

— Терпимо.

— Ваш пиджак здесь. Могу просунуть под дверь, но он помнётся.

— Пусть остаётся у вас, — сказал он. — Вам он нужнее. Я помню, как вы мёрзнете.

Я замерла.

— Что?

Пауза. Очень короткая.

— Вы весь вечер сидели в куртке, — сказал он. — Это было заметно.

Ну да. Конечно. Я действительно сидела в куртке.

Почему же сердце стучало так громко?

Дальше мы говорили.

Это было странно. Через закрытую дверь, не видя друг друга. Будто снова в маске.

Он спросил, почему я выбрала журналистику. Я сказала правду. Что в детстве мама обещала вернуться, а сама уехала в Москву работать и почти не звонила. И я решила, что если научусь писать так, чтобы меня читали все, она тоже прочитает. И, может быть, позвонит.

Я никому этого не рассказывала. Даже Томе.

За дверью долго молчали.

— Она звонит? — спросил он наконец.

— На Новый год. И на день рождения. Иногда.

— Мне жаль.

— Не надо. Я привыкла.

— К этому нельзя привыкнуть, — сказал он тихо. — Можно только перестать показывать.

Я прижалась затылком к двери.

— А вы? Почему вы выбрали журналистику?

Он хмыкнул.

— Из упрямства. Отец хотел, чтобы я стал юристом. Я хотел ему доказать, что слово сильнее закона.

— Доказали?

— Он не успел увидеть. Умер, когда я был на четвёртом курсе.

Я не знала, что сказать. Поэтому сказала глупость:

— Мне жаль.

— Не надо, — ответил он моими словами. — Я привык.

И мы оба тихо засмеялись.

Его смех я слышала впервые.

Низкий. Чуть хрипловатый. Как будто им давно не пользовались.

Где-то глубоко внутри у меня что-то шевельнулось. Беспокойное, тревожное.

Нет, сказала я себе. Нет, Вася. Не придумывай.

Потом он спросил, что я сейчас читаю. Я назвала книгу. Старый английский роман про гувернантку и мрачного хозяина поместья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.